

Эфти

Альтеркастер

18+

Эфти Эфти
Альтеркастер
Серия «Альтеркастер», книга 2

<https://litres.ru/73853934>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дневник человека, который не хотел быть другим, но принял свою судьбу.

Он принял себя. Он стал Альтеркастером, но этого оказалось недостаточно.

Алекс вернулся в мир трёх богинь, но всё пошло не по плану. Впрочем, как всегда.

Содержание

Глава 1. Записи с первой по четвертую	4
Глава 2. Записи с пятой по седьмую	19
Глава 3. Записи с восьмой по десятую	34
Глава 4. Записи с одиннадцатой по тринадцатую	50
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Эфти

Альтеркастер

Глава 1. Записи с первой по четвертую

Запись нулевая

Полистав дневник Гаррета, в котором осталось довольно много пустых страниц — старых, местами ветхих, но пригодных для записи, я перелистнул на конец «Некро Лога», оставил одну пустую страницу и начал с чистого листа.

«Альтеркастер».

Дневник человека, который не хотел быть другим, но принял свою судьбу.

Запись первая

Я открыл зелёную дверь и вошёл.

Там не было яркого белого света. Там не было непроглядной давящей тьмы — это всё уже было. Там был туман. Густой, серый и липкий. Земля под ногами оказалась мягкой и

влажной, в воздухе чувствовалась сырость и перегной. Запах старого леса.

Я сделал шаг — и дверь за моей спиной исчезла. Это было ожидаемо.

Сквозь туман проглядывали очертания кривых, тёмных деревьев. Они росли не вверх, а в стороны, будто пытались уползти от чего-то. Серая кора местами отслаивалась, обнажая гнилую древесину.

Я остановился, вслушиваясь в окружение.

Звуки были, но странные — мне не удавалось понять их источник или место расположения. Казалось, что этими звуками было пропитано всё вокруг. Шёпот, треск, возможно даже чьё-то дыхание. Мрачное и таинственное.

Потом я услышал отчётливое «Ми».

Девочка звала и была где-то рядом.

Когда я услышал Ми снова, я точно знал, куда идти сквозь туман, чтобы её найти. Не видел — знал. Какое-то внутреннее чувство.

Я шёл быстро, не смотря под ноги. Наступал на мягкий дёрн, под ногами хрустели прогнившие ветки, под тяжестью моего веса смещались небольшие камни, которые лежали вот так уже долгое время. Я шёл к Ми.

Туман расступился.

Я увидел её возле высокого кривого дерева. Ми стояла и звала на помощь. Дерево было гнилое — кора сочилась какой-то серой слизью. Воздух вокруг него казался тяжёлым и

спёртым. Что-то вытягивало жизнь из этого места. Из этого дерева.

Ми обняла меня и уткнулась лицом в серую ткань моих одежд. Я обнял её правой рукой и потрепал пальцами по голове. Левая, которую я потерял, всё ещё побаливала.

С минуту мы радовались нашему воссоединению. Ми всхлипывала. Вдохлипывала и вздыхала.

Мой взгляд поднялся от корней дерева по стволу прямо к кроне. Серое небо, затянутое облаками, сквозь которые изредка проглядывали две луны.

Белая и холодная — луна Отини.

Жёлтая и тёплая — луна Норхат.

Мы дома.

Но что это за место?

Запись вторая

Оглядываясь по сторонам, я думал о мире Мерлина — умирающем мире, который покинули боги.

Мир без богов, без веры, без цели. Он умирал медленно, но неуклонно. Лорд Энфоран со своей нежитью пытался выжить в нём, как мог. Но даже мёртвым нужно что-то, ради чего стоит оставаться.

Что если это затронет и этот мир?

Что если причина не в том, что боги покинули мир, а изначально более глубокая? Что если мир был болен ещё рань-

ше, а Ак, используя могущественные заклинания, скопировал его уже со смертельной болезнью во чреве?

И то, что убивало мир, в котором пытался выжить лорд Энфоран, в конечном счёте начнёт убивать и этот мир. Мир, который я привык называть своим.

Но Агиль сказал, что это мир Аяаны, а не мой.

Быть может, я действительно из другого мира? На этот шаг, стоя перед выбором трёх дверей, я не был готов.

Если и есть третий мир — мой мир, — я предпочту о нём пока не думать.

— Ми, — сказала Ми, дёргая меня за рукав.

Она смотрела на гнилое дерево. Оно сочилось серой слизью.

— Что? — спросил я.

— Ми, — повторила она и показала пальцем.

Я присмотрелся. Серая слизь двигалась. Не текла — двигалась. Медленно, но целенаправленно, будто живая.

— Это не просто гниль, — сказал я.

— Ми, — кивнула девочка.

Я посмотрел на Ми и сказал то, что хотел сказать очень давно. Точнее — попросить.

У девочки было два неоспоримо могущественных дара. И одним из них я решил воспользоваться.

Нет, я не хотел её крови, чтобы попытаться восстановить кисть. На её веку было слишком много боли и страданий, и причинять ей боль мне не хотелось. Даже от самой мысли

сердце моё щемило.

— Ми, — сказал я по-отечески добрым, спокойным голосом. — Укради мне хорошее оружие, пожалуйста.

Ми просияла. Запрет на воровство из других миров был снят.

Она закрыла глаза, и солнечный зайчик появился перед ней. Белый, небольшой, круглый. Он пульсировал мягким светом, и Ми протянула руку в белое сияние, прикусив губу от напряжения.

Она искала мне оружие. Лучшее, что могла.

Пару раз она отдёргивала руку, будто кто-то бил её по пальцам, поймав на краже. Но она продолжала. Упрямая, как Аяана. Настойчивая, как я.

И вот она улыбнулась.

Медленно, осторожно, она начала вытаскивать из света что-то. Сначала появилась рукоять — витое золото, переливающееся в тусклом свете тумана. Потом крестовина, на которой было выгравировано солнце. Круглое, с волнистыми лучами, расходящимися во все стороны. В центре солнца находился закрытый глаз.

Тьма и свет в одной гравировке.

Ми отходила назад, и из света появлялся серебристый клинок, испещрённый рунами и инкрустированный самоцветами. Он сверкал, будто внутри него горел свой собственный огонь.

Какое-то слишком вычурное оружие. Я даже не знал, как

к такому относиться.

Ми довольно протянула тяжёлый для неё меч мне.

Я принял оружие, крутанул кистью, как обычно это делала Аяана, и довольно улыбнулся.

— Спасибо, Ми, — сказал я. — Теперь у нас есть чем защищаться.

Меч действительно был великолепным. Лёгким, несмотря на внушительный вид. Хорошо сбалансированным. Он лежал в руке так, будто всегда был моим.

— Ми, — улыбнулась девочка. С интонацией «я же говорила, я могу».

— Можешь, — подтвердил я.

Я посмотрела на клинок ещё раз. Руны на нём слабо светились. Я не знал, что они означают. Может, имя владельца. Может, заклинание. Может, просто украшение.

Чей бы это ни был меч, я уверен, что он нам был нужнее, чем предыдущему владельцу. Дорогое оружие, покрытое золотом и самоцветами, явно пылилось в чьей-то сокровищнице, ожидая своего часа. А мы — мы были здесь, беззащитные и потерянные. Так что, незнакомец, прости. Твоё добро послужит лучшей цели.

Но на всякий случай я мысленно попросил прощения у бывшего владельца этого вычурного меча.

Ми смотрела на меня с гордостью. Она сделала то, что умела лучше всего — украла для меня то, без чего мне было не выжить. Солнечный зайчик исчез, и туман снова со-

мкнулся вокруг нас.

А потом я услышал звуки надвигающейся опасности.

Запись третья

Опасность — это второе имя Аяаны. Она сильна, быстра и смертоносна. Она обладает обширными знаниями в выживании и некоторыми специфическими знаниями древних языков. Я бы мог сказать, что она гениально смертоносна, но иногда её поведение не вписывается в общепринятые рамки логики. Я знаю и не знаю её. Уважаю, побаиваюсь и прислушиваюсь к ней.

И вот сейчас я смотрю на то, как она лупит двумя мечами старое гнилое дерево. Неистово и сердито. Удар за ударом. Летят в сторону трухлявая древесина, щепки и серая слизь.

— Ми! — радостно окликнула наемница девочку.

Ярость в глазах Аяаны сменилась удивлением, а потом и радостью. Она кивнула, приветствуя нас, и продолжила бить по дереву.

— Что ты делаешь? — ничего не понимая, поинтересовался я.

— Серая слизь, — констатировала очевидное Аяана. — Я бью серую слизь.

— Ми? — спросила Ми с интонацией «а зачем ты бьёшь серую слизь?».

Наемница остановилась, опустила мечи и посмотрела на

нас как на сумасшедших.

— Потому что это серая слизь, — устало ответила она.

— Серая слизь опасна?

Наемница посмотрела на серую слизь. Она очень медленно, но целенаправленно перетекала с одного места на другое.

— Эта уже нет, — сказала Аяана. — Но другая — опасна. А в этом лесу её много. Она как зелёная слизь, только опасней.

— Я такую не встречал, — ответил я, пытаюсь понять, чем же она так опасна. — Чем же опасна эта слизь?

— Она может растворить кожу, мышцы, кости и даже металл

— Мииии, — девочка удивлённо уставилась на серую слизь, делая шаг назад.

— Но если её разрубить на мелкие куски, — продолжила Аяана, — она теряет способность к движению и постепенно высыхает. Превращается в труху.

— Ты много знаешь о слизи, — заметил я.

Позади нас что-то заскрипело, и я почувствовал опасность.

Развернулся, выставил меч вперёд и принял боевую стойку. Ми юркнула за мою спину.

Из тумана на нас надвигалось дерево.

Оно было живое. Скрипело ветвями, которые двигались не от ветра, а по своей воле. Длинные острые ветви без листьев — как и все деревья в этом лесу, — тянулись в нашу

сторону. У него было большое кривое душло прямо в центре ствола. Оно походило на огромный раскрывшийся рот. Скорее всего, это и был рот.

Аяана встала рядом со мной, защищая девочку с другого бока. Два меча в её руках тускло блеснули в сером свете.

— Ми, — тихо сказала Ми из-за моей спины.

— Не бойся, — ответил я. — Мы справимся.

Дерево шагнуло вперёд.

Да, именно шагнуло. Оно не ползло — оно шагало, представляя корни, как ноги. Земля под ним ходила ходуном, серая слизь разбежалась в стороны.

Я призвал блуждающие огоньки. Они послушно сорвались с кончиков моих пальцев и устремились ввысь, разгоняя серую мглу.

Огоньки парили над нами, роняя тусклый жёлтый свет. Они стали больше, ярче, но всё так же были холодны. Огонь, не дающий жара, — лишь освещение. Жёлтый свет разрезал густой туман, и местность стала видна отчётливо.

А потом я увидел его.

На одной из толстых ветвей-рук висело на верёвке и покачивалось чьё-то тело. Висельник. Его голова была наполовину срезана — до носа, и из открытого черепа виднелись поблескивающие на свету мозги. Живот был вспорот, и внутренности болтались, свисая вниз.

Зрелище ужасное, но я уже привык к виду чужих внутренностей. У сундука есть содержимое, у песни — смысл, у

человека — внутренности.

Тело вдруг скрестило руки на груди и улыбнулось.

Внутри меня всё похолодело.

Этот висельник не был аксессуаром ожившего дерева. Он не был частью декораций, не был жертвой, которую давно пора снять и похоронить. Он был живым. Или почти живым.

— Ну что за гости в нашем цветущем саду? — тело раскачивалось на верёвке, и его голос звучал так, будто он приглашал нас на чай.

— Ваш сад какой-то неухоженный, — парировала Аяана, не выпуская мечей.

— Мы учтём ваше пожелание, — хохотнул висельник. — Обязательно передадим садовнику. Ах да, это же я.

Он засмеялся. Ветки дерева дрогнули в такт его смеху.

Хоть разговор и шёл в культурном русле, но явное желание нас убить ощущалось. Оно висело в воздухе. Я раздумывал, что могу противопоставить противнику. Является ли ожившее дерево мертвецом или нет? Является ли висельник частью этого дерева или его хозяином? Если убить висельника, дерево будет с нами сражаться или станет обычным?

— Ты думаешь слишком громко, — сказала Аяана, не оборачиваясь.

Я не думаю. Я лихорадочно соображаю, перебирая варианты. Как сражаться с огромным деревом, которое не обхватить руками даже нам троим вместе?

Дерево скрипнуло, и ветка потянулась к нам. Его ветви,

как пальцы, удлинлись, и пять или шесть ветвей, как копья, устремились в нашу сторону. Не было времени считать.

Два или три из них с лёгкостью отразила наемница. Одно отрубил я. Но последнее попало в цель.

Острая ветка вонзилась в моё плечо. Боль разлилась по телу вместе с жаром. Из раны потекла кровь. Что ж, это было действительно больно.

— Кампфлут, бей точней, — обращаясь к дереву, причитал висельник.

Не мешкая ни секунды, Аяана уже сократила расстояние и стояла на корне ожившего дерева. Пока я сожалел о внезапно возникшем отверстии в моём теле, наемница подпрыгнула, ухватилась левой рукой за висящие кишки висельника и дёрнула что было сил.

Я посмотрел на эту картину. А куда она дела Тихий Гром? А! Тихий Гром торчал в сырой земле возле моих ног. Умно.

Ветка хрустнула, и тело с криками и руганью повалилось на землю. Наемница приставила меч к горлу висельника и улыбнулась.

— Ещё одно движение, и ты познакомишься со своими внутренностями поближе, — сказала она.

— Они и так висят снаружи, — прохрипел висельник.

— Я засуну твою голову в твою же задницу.

Он замолчал.

Дерево замерло. Ветви опустились, корни перестали шевелиться.

— Довольна? Кампфлут уснул.

— Долго будет спать? — спросил я, подходя к висельнику.

— Пока я не скажу ему пробудиться.

— Отлично, — сказала Аяана и отрубила голову одним ударом выше верёвки.

Это было жестоко. Кровоточащая рана в плече искала оправдания жестокости, но не находила. Я тяжело вздохнул, но наемница не унималась.

— Что ты делаешь?

— Как и обещала — засуну его голову ему в зад.

Я махнул мечом в сторону: поступай как хочешь. Мы с Ми будем ждать, когда ты закончишь.

— Этот меч, — Аяана перевела взгляд на оружие в моей руке, пробежалась глазами по рунам на клинке. — Ты знаешь, что тут написано?

— Конечно нет, — ответил я, глядя на непонятные символы. — Я не знаю этого языка.

А потом она по слогам прочитала то, что написано на мече. Это было моё имя.

Запись четвертая

Из всех мечей мира мне достался меч с моим именем. Это судьба. Ну и ещё это звучит как-то глупо. Как будто безумный портной на каждом своём изделии писал бы своё имя, а потом щеголял весь в вещах со своим именем. А что ещё

хуже — продавал бы вещи со своим именем другим. Какой дурак будет носить вещи с чужим именем?

— Ты истекаешь кровью, — констатировала наемница.

— Это не смертельно.

— Пока не смертельно, — согласилась она. — Но если не остановить, станет.

Она разорвала подол своей рубахи и принялась перевязывать мне плечо. С одной свободной рукой это было сложно. Ми смотрела на это с беспокойством.

— Ми, — сказала она тихо.

— Всё хорошо, — ответил я. — Просто царапина.

— Это не царапина, — сказала Аяана, затягивая узел. — Это дыра. Но теперь затянется.

Я посмотрел на меч, который держал в руке. Серебристый клинок, витая рукоять, солнце с закрытым глазом на гарде. И руны, которые складывались в моё имя. Имя, от которого я отказался.

— Ты уверена, что правильно прочитала? — спросил я.

— Я не слепая, — ответила Аяана. — И не тупая. Я знаю этот язык.

Она хотела добавить что-то ещё, но замерла.

— А это что за?

Из тумана к нам вышел, шатаясь, гниющий труп.

Он двигался медленно, дёргано. Рваная грязная одежда, когда-то бывшая обычной крестьянской. Плоть местами отслоилась, обнажая желтоватые кости. Мутные глаза смотре-

ли сквозь нас, а не на нас.

— Добрый вечер, — обратился я к нежити, приподнимая воображаемую шляпу.

— Ты чего? — спросила наемница.

— Пытаюсь быть дружелюбным, — спокойно ответил я и подмигнул Ми.

Ми, сидевшая тихо, весело засмеялась.

— Ты ненормальный, — сказала Аяана.

— Это уже установленный факт, — согласился я.

Обычный гниющий труп не является проблемой для нашей компании отпетых героев. А вот пять или даже десять — являются.

За одним из тумана вышел второй, потом третий. Скоро их было с десятков. Они выходили из серой мглы молча, только шаркающие шаги нарушали тишину.

Аяана обнажила клинки, но я предложил ей не торопиться.

— Подожди, — сказал я.

— Чего ждать?

— Сначала попробуем по-моему.

Нежить стояла вокруг нас и бездействовала. Не нападала. Не приближалась. Просто стояла, глядя пустыми глазницами. Мужчины и женщины в обычных одеждах. Крестьяне. Обыватели. Один торговец в когда-то дорогом камзоле, сейчас висевшем лохмотьями.

Что их сюда привело? Почему они не упокоились? Ответа

не было.

«Изгнание нежити».

Божественная благодать прошла сквозь моё тело и разошлась вокруг. Яркий свет озарил сад.

Десять маленьких гниющих трупиков стояли и смотрели на нас.

Ни один не исчез. Ни один не развеялся.

— Не, ну так проще, — сказала наемница и наступила на одного неупокоенного.

Шмяк!

— Эй, — сказал я.

— Что? — спросила она, наступая на второго.

Шмяк!

— Ты могла бы просто...

— Просто что? — она наступила на третьего.

Шмяк!

— ...использовать меч.

— А зачем? Ногами быстрее.

Четвертый. Пятый.

Шмяк. Шмяк.

Ми смотрела на это с открытым ртом.

Глава 2. Записи с пятой по седьмую

Запись пятая

Я не знал, где мы находимся, но шальная мысль снова пришла в мою неугомонную голову. Есть способ разобраться в сложившейся ситуации, и он доступен, наверное, из целого мира только мне.

Я достал мешочек с ингредиентами — двумя целыми руками я делал это куда как проворней. Посмотрел на раздавленные тела неупокоенных: я уменьшил их при помощи своего заклинания «Изгнание нежити» вместе с одеждой. Почти игрушечные тела лежали раздавленные ногой наемницы на сырой земле. Аяана покосилась на меня, но ничего не сказала. Ми смотрела с любопытством.

Я начал тыкать пальцем в тела мертвецов и проговаривать детскую считалочку. Но отбросил это занятие. Несерьезно. Не для такого момента.

Мой глаз зацепился за того, кто когда-то был в дорогих одеждах. Расшитый золотыми нитями камзол, когда-то стоил целое состояние. Сапоги из тонкой кожи, теперь пробитые гнилью. Торговец, надо полагать. Не простой крестьянин и не бедный ремесленник.

Будем смотреть его глазами, приятнее видеть последние мгновения сытой жизни, чем грязь и голод простолюдина. Хотя, исход в целом один.

«Уход за умирающим».

Мир дрогнул, и я провалился.

Я стоял в богатой комнате. Дорогая мебель, ковры, тяжелые шторы на окнах. Луркер — так звали этого человека, я узнал это сразу, как имя само всплыло из памяти, как это всегда бывало с моим заклинанием. Мужчина закрыл шкапулку с драгоценными камнями и положил ее глубоко под дорогие отрезки ткани, позолоченные тома книг и прочее содержимое сундука.

Я скользнул взглядом по корешку одной из книг. «Трактат о трех богинях». Интересное, наверное, чтиво. Отини, Норхат, Джалинн. Три богини, которые когда-то правили этим миром. Или все еще правят? Я не знал.

Сундук захлопнулся с глухим стуком и был закрыт на замок латунным ключиком. Торговец задвинул сундук под кровать, поправил шляпу и, спустившись по деревянной лестнице, вышел на улицу.

Дверь хлопнула.

И мир остановился.

На грязной мостовой застыли люди, лошади, торговцы. Все, кто только что шел по своим делам, замерли как вкопанные. Женщина с корзиной, застывшая на полуслове. Мужчина, подносящий кружку ко рту. Лошадь, вставшая на дыбы.

Это сделал я? Теперь я так умею?

Я замер, осознавая. Время. Я остановил время. Без заклинаний, без жестов, без молитв. Просто — захотел. И мир послушался.

Подумав об этом, я без усилий обратил время вспять. Луркер вернулся на деревянную лестницу. Он застыл, держась за резные перила, одна нога повисла в воздухе.

Ясно. Я умею и так.

Я снова запустил время.

Луркер, торговец местной гильдии, маленький и жалкий человек, открыл дверь и вышел на улицу.

А я стоял в его памяти и пытался осознать, что только что произошло. Мой дар изменился. Или я изменился. В Апокрифе что-то сломалось во мне — или, наоборот, открылось.

— Прекрасный день, сударыня, — обратился Луркер к прекрасной молодой даме, которая в лучшем случае выглядела как дочь кузнеца.

Девушка просияла, на её веснушчатых щеках выступил румянец.

— Добрый день, господин Луркер, — улыбнулась девица.

Торговец пожирал её глазами. Его темные помыслы я видел как кровь на белом белье. Не слова — не действия, а саму суть. Жадность, желание обладать, превосходство над теми, кто беднее и глупее.

А еще я увидел кое-что интересное.

Я остановил время.

Мир замер. Девушка застыла с улыбкой на губах. Луркер — с хищным прищуром. Лошади и повозки — в движении, но неподвижные.

Я обошёл Луркера с другой стороны и присмотрелся.

Из его кармана, полупрозрачная, едва заметная, тянулась маленькая ладошка. Детская и до боли знакомая.

Ми. Это же ты?

Тогда, в башне драконов, Ми, пользуясь своим даром, украла латунный ключик... Это был ключ Луркера. Того самого торговца, чья смерть теперь стояла передо мной.

Очень интересное совпадение. Или не совпадение.

Время продолжило свой бег.

Луркер не заметил кражи. Он продолжал ворковать с юной дамой, не подозревая, что его карман уже пуст.

— А вы знаете, — продолжала девица, — поймали колдуна, жуть скажите?

— Нет, — покачал головой Луркер. — Не знаю. Расскажите, барышня.

Он улыбнулся широкой улыбкой льстивого подлеца — такой мягкой и обворожительной, как и обычно, когда продавал некачественный товар местным работягам.

— Его поймали во время темного обряда, — охала девушка, прижимая руки к груди. — Он наверное хотел наслатъ чуму на наш прекрасный город. Хорошо, что его сегодня сожгут!

Не каждый день кого-то сжигали на костре, а уж тем более

колдуна. Это интересное зрелище. Развлечение, о котором можно будет рассказать глупым селянам, подчерпнув свою значимость в следующий раз, когда он захочет облапошить кого-нибудь. Луркер рад был этой возможности. Очень рад.

Я смотрел на его лицо, на его улыбку, на его глаза, горящие предвкушением. И думал о том, что не каждый колдун достоин костра. А вот таких, как он, сжигать на кострах надо. Не за магию — за лицемерие. За жадность. За то, что они готовы продать душу за золото, которое и так у них есть.

— А колдуна того как звали? — спросил Луркер, наклоняясь ближе к девице.

— Не знаю, — ответила она. — Говорят, из чужих краёв. У него были странные глаза и он ничего не боялся.

— Странные глаза?

— Серые, — прошептала девушка. — Без зрачков.

У меня внутри что-то оборвалось.

Запись шестая

Я не был полностью уверен, но что-то мне подсказывало: я увижу, как сжигают одного очень интересного человека.

Я чуть ускорил ход событий, и Луркер очень быстро попрощался с девушкой. Вальяжно, но быстро прошёлся по улице, поздоровался с каким-то человеком, потом обговорил детали сделки с местным лавочником, продающим ткани и предлагающим портняжные услуги. Торговался он острее-

нело, сбивая цену до копейки, хотя золота у него было — хоть задом трапезничай.

После этого Луркер вышел на городскую площадь, где возле большого колодца, вымощенного гладкими серыми камнями, был установлен высокий чёрный столб с кольцами для цепей.

К столбу был привязан сухой мужчина с серой кожей. Возраст определить было трудно — ему могло быть за сорок, а может, и все сто. Длинные чёрные волосы закрывали лицо. Одежда была изодрана в клочья, на теле виднелись синяки и ссадины.

Я остановил время.

Мир замер.

Толпа застыла с открытыми ртами. Луркер замер на полуслове, обращаясь к какому-то толстяку в сером камзоле. Палач застыл с факелом в руке.

Я приблизился к человеку, привязанному к столбу. Посмотрел ему прямо в лицо.

Нет сомнений.

Широкие выпирающие скулы. Тонкие сухие губы. Серые, как туман, глаза: ни зрачков, ни белков, одна сплошная серая дымка. Взгляд холодный и пронзительный. Он ничего не боялся.

Этого колдуна я знал.

И знал я его как раз за то, что сейчас случится.

Продолжим спектакль.

К ликующей толпе, выкрикивающей возгласы «сжечь колдуна», «предать огню» и прочие, не отличающиеся оригинальностью, фразы, вышел мэр города.

Толстый мужчина в дорогих одеждах, на шее поблёскивал ливрейный воротник, а пухлые пальцы обеих рук были украшены увесистыми перстнями.

Он поднял руку, ожидая, чтобы толпа замолчала, и когда это произошло, он начал вещать, шепеляво выкрикивая слова в толпу.

— Жители и гости города, — начал мэр, — Мы поймали колдуна огневерхой горы!

Нет, я-то знаю. Это был не колдун огневерхой горы.

— Он творил свои грязные тёмные ритуалы, — продолжал орать мэр, плюясь во все стороны, — Он хотел наслать на нас чуму и мор!

Нет, я-то знаю. Он не этого добивался.

— И сегодня мы накажем нечистивца, — ещё громче заорал толстяк, вскидывая руки к небу, — мы предадим его огню, пусть пламя очистит его душу от грехов!

Нет, я-то знаю. Его душу не очистить. Ведь его имя Алус Тёмный, которого также называли Алус Чумной.

И сейчас случится кое-что интересное.

Палач уже был готов кинуть факел в костёр, как Алус поднял свои серые глаза и посмотрел на него. Палач заколебался, потом отступил. Кажется, он увидел своё будущее в глазах колдуна. И оно было ужасным.

Потом Алус посмотрел на толпу зевак. Они охнули, жалась от ужаса. Но не все. Не Луркер. Он с ухмылкой посмотрел на колдуна: «Эка невидаль, поймали какого-то бродягу. Колдуны выглядят злобно и величественно, с тёмными гримуарами и чёрными посохами, на плече — ворон. Вот это я понимаю чернокнижник — сожги такого, и будет ещё историй на год. А этот? Тьфу».

Мэр выхватил факел у палача и, чертыхаясь на работника, бросил его в костёр.

Пламя охватило столб. Сначала поглотило нижние ветки, потом средние и, ярус за ярусом, разгораясь, закрыло пламенем фигуру колдуна.

Жуткий смех, вместо криков боли и мольбы о спасении, раздался из центра костра. Алус смеялся ужасным гомерическим смехом. Над городом сгущались тучи.

Из костра вылетел первый язык пламени. Он упал на соломенную крышу ближайшего дома. Солома вспыхнула, как спичка.

— Пожар! — крикнул кто-то. — Спасайтесь! — заорал другой.

Толпа, которая ещё минуту назад жаждала зрелищ, бросилась врассыпную.

Луркер побежал первым. Его дорогие сапоги месили грязь, а жирная задница тряслась в такт бегу.

Костер разгорался. Столб рухнул. Вверх взметнулись искры, тысячи искр, и каждая падала на город, зажигая новые

пожары.

Алус стоял в центре огня и смеялся.

Его тело горело, но он не кричал. Его волосы тлели, но он не плакал. Его глаза смотрели на город, на людей.

Древнее зло, которое он принёс в своём теле из глубоких пещер Кристалиса, пробуждалось. Я чувствовал это — воздух стал тяжёлым, будто перед грозой, только вместо свежести пахло гнилью и чем-то очень старым, что не должно было видеть свет.

Алус неестественно выгнулся, затрещали позвонки. Его голова запрокинулась. Он смеялся. Беззвучно сначала, а потом — раскатисто, на весь город.

Из его рта чёрным плотным потоком прямо в небо хлынула тьма. Фонтан чёрного масла лился изо рта Алуса, поднимался к тучам и растекался по небу.

Я стоял, не в силах пошевелиться. Такое не описывалось в книге.

Тьма закрывала тучи, небо, солнце. Серый день превратился в чёрную ночь. Пока весь город не погрузился во мрак.

Кто-то кричал. Кто-то молился. Кто-то просто бежал, не разбирая дороги.

Зловонные миазмы расходились от центральной площади во все стороны города, охватывая своими незримыми щупальцами убегающих в ужасе горожан. Я видел, как они падают. Один за другим.

Первый мужчина — толстый, в кожаном фартуке, видимо,

мясник — упал на четвереньки и начал изрыгать из своего чрева кровь и внутренности. Он не кричал — просто смотрел в землю пустыми глазами и давился собственной плотью.

Второй — тощий парень, почти мальчишка — упал навзничь, забился в конвульсиях, и из его глазниц потекла тёмная кровь. Он хрипел, дергался, ломал пальцы о камни мостовой.

Третьего — пожилого торговца в когда-то дорогом камзоле — разорвало напополам. Просто две половинки тела разлетелись в разные стороны. Из его рёбер, шевелясь, вылез мохнатый красный паук величиной с собаку. Он огляделся, щёлкнул жвалами и побежал в толпу.

Творилось ужасное, и я наблюдал за всем этим, отмечая точность описанных событий из книги. Каждая деталь, каждая смерть были описаны точно без прикрас.

Я что-то увлёкся и забыл про Луркера. А вот же и он — уже лежит мёртвый в луже собственной крови. Бедняга. От смерти не убежать, никакое золото тебе в этом не помощник.

Я видел достаточно.

Я вынырнул, глубоко вдыхая гнилой воздух этого туманного сада. Аяана и Ми уставились на меня.

— Ну? — наемница ждала с нетерпением. — Что за хрень тут происходит?

— Она уже произошла, — спокойно ответил я. — Ты что-нибудь слышала об Алусе Тёмном?

Аяана побледнела. Я видел, как побелели её костяшки,

сжимающие мечи.

— Мы в Офколе? — спросила она тихо.

Я утвердительно кивнул.

— Надо валить! — внезапно Аяана начала спешить, взяв Ми за руку. — Валить-валить-валить

— Ми, — обратилась наемница теперь к девочке, — тут делать нам нечего, надо валить!

Никогда не видел её такой растерянной. Это интересно. Но и экспериментировать, оставаясь долгое время в этом месте, тоже не стоило.

— Стоять, — сказал я, и мой голос прозвучал твёрже, чем я ожидал.

Аяана остановилась. Даже Ми замерла.

— Мне не нужно, — сказала Аяана, и в её голосе я услышал то, чего никогда не слышал раньше — страх. — Мне не нужно в этот город, Алекс. Не нужно.

Я посмотрел ей в глаза и сказал:

— Вот как раз тебе, туда и нужно.

Запись седьмая

У нас был латунный ключик от сундука Луркера, и в нём могли лежать всё ещё драгоценности и полезные книги. Только вот сам Луркер умер пару сотен лет назад.

Мы не грабим живых. Мы извлекаем пользу из того, что давно уже никому не нужно.

— Книги — это хорошо, — сказала Аяна, косясь на меня с сомнением. — Но ты когда-нибудь пробовал обходить неприятности стороной?

— Может, нам как-то удастся снять неснимаемое, — я кивнул в сторону проклятого меча, приросшего к её руке проклятием опутывания.

Мне очень хотелось поковыряться в сундуке. Было ли это мародёрством? Конечно. Только мы это делаем не ради наживы, а ради выживания.

— Снять меч — штука хорошая, — наемница поморщилась. — Но есть большая вероятность, что я потеряю его вместе с рукой.

— Как я? — перебил я.

— Не так, а хуже. По локоть, а может, и по самое плечо, — уточнила она.

Ми озадаченно смотрела то на меня, то на Аяану.

— Сад в Офколе находился на севере от города, — сказала наемница. — Значит, если мы пойдём на север, то попадём

— В ещё большую жопу, — продолжил я. — В Запустение. Еды нет, растительности нет, население — ноль людей и пара тысяч монстров.

— Да, но — парировала Аяана, — идти на юг — тоже самоубийство. Там Офкол. Город Призраков.

— А что у нас на востоке и западе? — поинтересовался я.

— Смерть, — печально ответила наемница. — Куда ни иди — всюду встретишь смерть.

— Так если нет разницы — начал я.

— То пойдём на юг, — сдалась Аяана.

— Ми! — удивлённо посмотрела девочка на наемницу.

— Призраки не лучше монстров, — объяснила Аяана.

Мы пошли на юг. Туман рассеивался, открывая серое небо. Дорога была пустой. Ни телег, ни всадников, ни пешеходов. Только мы и наши тени.

— Город Призраков, — повторил я. — Живое население — три человека.

— Да, — подтвердила наемница. — И эти трое — мы.

Мы стояли на пересечении нескольких дорог. Одна, уходящая на запад вдоль полуразрушенных домов, упиралась в большое старое трёхэтажное строение — ратушу или дом мэра. Это явно не было нашей целью. Если Алус жив, а он просто так не умрёт, то, скорее всего, он предпочёл бы поселиться в самом высоком и самом большом доме в Офколе.

Я указал пальцем в сторону ратуши. Аяана отрицательно покачала головой, указывая в противоположном направлении. Там стоял небольшой каменный дом с деревянной дверью.

— Ми, — Ми утвердительно указала пальцем в том же направлении.

Когда мы приблизились к дому, то заметили, что северную часть города заволокло туманом. Он шёл откуда-то с востока и стелился по земле, ползя на запад, в сторону сада. Кстати, на вывеске было написано, что это городской парк.

Аяана встала в боевую позу, и я открыл дверь.

Почему все двери скрипят? Почему я уже давно не встречал хорошо смазанную дверь? Эта дверь скрипела.

В полумрак здания проник свет моих блуждающих огоньков, и мы увидели шестирукое существо, напоминающее паука, которое сосредоточенно жонглировало черепами.

Я закрыл дверь.

— Нам не туда, — подтвердила Аяана и уже волокла какую-то прохудившуюся бочку.

Где она её тут нашла?

— Откуда бочка? — спросил я.

— Это не самый важный вопрос на данный момент, — сказала наемница, пытаясь припереть дверь бочкой.

Дверь открывалась вовнутрь.

Я посмотрел на Аяану и вздохнул.

Время бежать.

Ми запрыгнула мне на плечи, и я побежал по городской улице куда-то на юг, туда, где дома были повыше.

За спиной раздался грохот — шестирукое существо, похоже, решило, что бочка — не преграда. Судя по звукам, оно просто перешагнуло через неё. Или раздавило.

— Не оглядывайся! — крикнула Аяана.

— И не думал!

Мы бежали мимо покосившихся домов, разбитых фонарей, пустых окон. Мимо каменного колодца на центральной площади.

Колодец. Поворачиваем налево.

Я бежал по маршруту, которым следовал Луркер к месту казни, но в обратном направлении. Сознание само подсказывало, где свернуть, где перепрыгнуть через груды камней, где пригнуться под нависшей балкой. Видения мертвого торговца вели меня сквозь город призраков.

Аяана не задавала вопросов. Она просто бежала за мной, доверяя так, как может доверять только тот, кто не раз смотрел смерти в глаза.

Ми прижималась к моей спине. Маленькая, лёгкая, но я чувствовал каждый удар её сердца.

— Не бойся, — сказал я.

— Ми, — ответила она. И в этом слове не было страха.

Шестирукое существо осталось далеко позади. Или нет? Я не был уверен. Где-то за спиной всё ещё слышался глухой стук — то ли шаги, то ли просто игра воображения.

Глава 3. Записи с восьмой по десятую

Запись восьмая

Деревянная дверь дома Луркера захлопнулась с внутренней стороны, и Аяана, устало дыша, опустилась на пол. Я посмотрел на наемницу.

Вокруг двери, на которую она облокотилась и закрыла за собой, не было стены. Дверь стояла ни за что не держась.

И теперь под весом спины Аяаны она просто упала.

Ми хохотнула.

Я огляделся и увидел, что старая лестница с резными перилами всё ещё вела на второй этаж, который тоже был в плачевном состоянии. Кое-где балки прогнили, кое-где ступенек не хватало вовсе.

Я взял у Ми латунный ключик и попросил Аяану побыть здесь.

— Ты чего? — насторожилась наемница.

— Идти втроем туда опасно, — объяснил я. — Кто-то должен остаться внизу и смотреть за выходом.

Аяана была тяжелой, а отправлять Ми не хотелось, поэтому я, как обладатель мягкого шага и невероятной удачи, ре-

шил взять инициативу на себя.

Скрип.

Первая ступенька жалобно скрипнула.

Скрип.

Вторая скрипела ещё жалобней.

Остальные тоже пытались разжалобить, но скрипели они менее драматично. Моим фаворитом навсегда останется вторая ступенька.

На втором этаже я нашёл комнату торговца. Она была в полуразрушенном состоянии. Время, погода и мертвецы, населяющие этот город, не пощадили дорогой двухэтажный дом Луркера. Штукатурка осыпалась, окна выбиты, на полу — слой пыли и мусора.

Под кроватью всё ещё находился сундук.

Щёлк — и замок открылся.

Я поднял крышку и увидел сокровища, что прятал торговец от посторонних глаз.

Первым делом я вытащил книги. Любовный роман Эдвины Легкорукой «Беседка с виноградной лозой» — ерунда, оставил в сундуке. Дальше — «Трактат о трёх богинях». Это берём. Может, найду там что-то полезное.

Шкатулка с самоцветами. Драгоценности, которые можно продать или обменять на еду. Ещё их можно использовать в ритуалах. Берём. Мешочек золота. Золота много не бывает. Тоже берём.

А потом я увидел палец.

Обычный такой палец мертвеца. Высохший, с почерневшим ногтем. Он был аккуратно завёрнут в кусок бархата.

Берём?

Нет. Оставим.

Мне бы целую руку. Одного пальца маловато. Я печально вздохнул и положил его туда где лежал.

Вернулся обратно к Ми и наемнице тем же путём. Вторая ступенька всё ещё была на высоте — скрипела аж за душу брала. Я мысленно снял перед ней шляпу.

— Я пришёл с дарами, — деловито сообщил я. — Господин Луркер, душевный человек, поделился своими богатствами с нищими нами. Хвала ему и честь.

Ми снова хохотнула. Аяана посмотрела на меня пронзительно, и я немного съёжился от её взгляда. Было не очень приятно ощущать такой полный холодной злобы взгляд на себе.

— Ну и что дальше делать будем? — пыталась уточнить Аяана, разглядывая принесённое сокровище.

— Отыщем Безымянного.

— Ты серьёзно думаешь, что один из старых богов живёт в Офколе?

Я задумался. Ходили слухи из разряда, тех, что рассказывают шепотом в тавернах. Будто бы, лишившись расположения Ака, падший бог осел в Офколе. Город призраков — это не просто место. Это убежище. Для тех, кто не хочет, чтобы его нашли. Для тех, кто устал от людей.

— Думаю, да. Но надо будет проверить дома.

— Среди всех этих развалин?

— А почему нет? — я пожал плечами. — Будем стучаться в каждую. Может, он и откроет.

Мы подошли к одному из домов на той же улице, который выглядел более-менее целым по сравнению с остальными. Я встал возле двери и постучал.

За дверью раздались шаркающие шаги. Кто-то медленно, будто не ждал гостей уже много лет, приближался с той стороны.

Дверь открылась.

На пороге стоял одноглазый кривой горбун. Редкие седые волосы торчали в разные стороны, одежда была грязной и рваной. Единственный глаз вращался по орбите, разглядывая нас с ног до головы.

— Это кто тут пришёл? — горбун вращал единственным глазом, то смотря на меня, то на Аяану, то на Ми, не задерживаясь ни на секунду. — Неужели свиньи для моего господина?

— Хрю-хрю, — презрительно ответила Аяана.

— О! Хрюшки, заходите, — начал торопливо приглашать нас в дом горбун. Его лицо расплылось в беззубой улыбке. — Проходите, господин уже заждался.

Я выпученными глазами смотрел на всё это. Ми, сидевшая у меня на плечах, молча рассматривала горбуна. Никто из нас двоих не понимал, что происходит. Кроме, конечно

же, наемницы.

Мы прошли по длинному коридору, который, казалось, с каждым шагом лишь удлинялся и становился уже. Стены сжимались, потолок опускался. Я чувствовал, как пот выступает на лбу.

И вот когда моё терпение было уже на исходе, горбун остановился.

Он подошел к стене, провёл корявым пальцем по камню, и та бесшумно отъехала в сторону. Скрытая дверь. Я и не заметил бы её, если бы не знал, где искать.

Дверь открылась, и перед нами образовалась каменная лестница, уходящая куда-то в подземелье. Пахло сыростью и плесенью.

Горбун жестом кисти показал нам: туда. Мол, вам дорога.

— А ты? — спросил я.

— Моё дело — привести, — ответил горбун. — Дальше вы сами.

— И что там?

— Господин, — только и сказал он, снова расплываясь в беззубой улыбке.

Аяана сжала мечи и шагнула на лестницу. Я последовал за ней. Ми спрыгнула с моих плеч и пошла следом, держась за мой пояс. Меч с серебристым клинком успокаивающе постукивал по моему бедру при каждом шаге.

— Свет, — сказал я.

Я призвал блуждающие огоньки. Они послушно сорва-

лись с пальцев и полетели вперёд, освещая путь.

Лестница была длинной. Мы спускались, и с каждым шагом воздух становился холоднее. Где-то внизу монотонно капала вода — единственный звук, кроме нашего дыхания и шороха одежд.

— Что за фигня со свиньями? — спросил я, чтобы хоть как-то разбавить звуки.

— Это ответ на кодовую фразу, — ответила Аяана.

— Если бы мы не знали правильный ответ? Что тогда?

— Привратник бы нас убил, — усмехнулась наемница. — Мгновенно. Не заметили бы даже.

— А ты откуда знаешь код?

Аяана промолчала.

Мы спустились.

Внизу был большой круглый зал, с колоннами по краям, уходящими в темноту под потолком. В центре — старый каменный алтарь, покрытый пылью и потускневшими рунами по краям. На алтаре лежала открытая книга.

Я подошёл ближе. Книга была раскрыта на середине. Текст на незнакомом языке, но я понимал его.

«Тот, кто прочитает эти слова, получит силу древних. Тот, кто сможет их понять, станет богом. Тот, кто осмелится использовать их, будет проклят навечно».

Я протянул руку, чтобы взять книгу, но замер.

Вдруг одна из каменных плит, стоявших поодаль, начала вращаться. Скрежет камня о камень. Полоборота вокруг

своей оси — и плита превратилась в трон.

На троне сидел эльф.

Длинные заострённые уши, серая, почти пепельная кожа, глубоко посаженные глаза без зрачков. Он подпирал голову без волос кулаком, локоть упирался в подлокотник. Трон выглядел как простая каменная глыба, но на спинке была выгравирована летучая мышь с расправленными крыльями.

Эльф не двигался. Не дышал. Но я знал — он жив. Он застыл в таком состоянии так давно, что время перестало для него что-либо значить.

Это был один из старых богов — тот, чьё имя за проступки забрал Ак.

Это был Безымянный.

Запись девятая

Боги — это могущественные создания, чья сила напрямую зависит от веры.

Если я перестану верить в бога, это будет почти неощутимо для него. Если все перестанут верить — он потеряет часть своих божественных сил, но всё ещё останется могущественным и бессмертным созданием.

Если бог потеряет имя, его силы со временем иссякнут. Он будет позабыт. Да, он всё ещё останется сильным в сравнении с людьми, всё ещё останется бессмертным — но уже никогда не сможет противостоять другим богам. Он будет

как трёхлетний ребёнок, вышедший на арену против взрослого человека.

Мы смотрели на Безымянного, ожидая чего-то. Тишина давила. Каменные стены будто сдвигались, сжимая пространство. Эльф на троне не двигался, не дышал. Просто сидел и смотрел сквозь нас.

Внезапно в моей голове возник голос. Он звучал устало, по-старчески медленно, будто каждое слово давалось с трудом:

— Дитя, подойди.

Я сделал шаг вперёд к трону и осекся.

— Да не ты, — голос был раздражён.

Я моргнул. Ну, в самом деле — я же не дитя. Похоже, голос звучал не только в моей голове. Губы Безымянного не двигались, но слова отдавались в ушах.

Ми посмотрела на Аяану. Та утвердительно кивнула, давая разрешение.

Маленькая и спокойная Ми шагнула к трону.

— Как зовут тебя, дитя?

— Ми, — ответила девочка, разглядывая Безымянного снизу вверх.

— Я чувствую драконью кровь в тебе, — голос стал заинтересованным. — Что в твоей сумке, Ми?

Девочка покопалась в сумке.

Сначала извлекла драгоценный камень, потом шестигранный кубик с едва заметными символами — то, что она ута-

щила из другого мира в Башне Драконов. Потом извлекла серебряную ложку. Интересно, откуда она у неё? Я даже спрашивать не стал.

А потом — маленький глаз бехолдера. Тот самый, который она подобрала на Арене Титанов и который я попросил её выкинуть. Не выкинула.

— Занятно, — голос в голове не спеша тянул слова, наслаждаясь каждым. — Могущество драконов — в богатстве. Чем больше золота и драгоценностей, тем сильнее дракон. Драконья кровь питается жадностью и накоплением. Тебе нужно больше золота, чтобы становиться сильнее.

— Ми! — девочка удивлённо раскрыла глаза. Она внимала мудрости старого бога.

— Хочешь, я сделаю так, чтобы в твою сумку вмещалось больше, чем может? Но это должны быть твои сокровища. Накопления твоей силы.

Ми с энтузиазмом закивала. Она не понимала, на что соглашается, но глаза её горели.

— Но взамен я хочу этот глаз бехолдера.

Недолго думая, Ми бросила глаз Безымянному. Тот ловко поймал его свободной рукой, не двигаясь остальной частью тела.

— Сделка завершена, — сказал голос.

Трон начал неторопливо разворачиваться от нас по оси, скрывая Безымянного.

— Так не пойдёт, — прошептал я.

Хотел выкрикнуть что-то, возразить, потребовать ответов, но трон сделал полный оборот вокруг своей оси. Теперь Безымянный сидел в закрытой позе — закинув ногу на ногу, руки скрещены на груди. Сам трон выглядел иначе: вместо летучей мыши на спинке красовался силуэт бехолдера, выгравированный грубо, но узнаваемо.

Ми стояла и смотрела на Безымянного.

— Дитя, отойди, — повелел тот же голос.

Ми послушно подошла и взяла меня за руку.

— Дева, подойди.

Ну что за дискриминация. Я-то думал, теперь моя очередь. Было немного обидно, но интерес пересилил все детские чувства. Я наблюдал.

Аяана подошла к трону с мечами в руках. Замерла. Потом присела на одно колено, склонив голову. Я впервые видел её такой — не сломленной, но признающей чью-то высшую силу.

— Отрадно, — голос звучал удовлетворённо. — Хочу посмотреть на твоё оружие, воительница.

— Я не могу его дать, — ответила наемница. — На нём проклятие связывания.

— Просто дай, — повелел голос.

Руки Безымянного протянулись к наемнице. Аяана с удивлением смогла отдать проклятый меч. Как — не понял никто. Просто взяла и отдала.

Безымянный повертел меч в руках. Понюхал клинок.

Провёл пальцем по лезвию.

— Ты хочешь, чтобы я сделал проклятие на этом мече неснимаемым? — спросил он.

Аяана сжала и разжала кулак — рука наконец-то освободилась. Я заметил, как она пошевелила пальцами — будто заново училась ими пользоваться.

— Нет, — сказала она. — Этот меч мне не нужен. Можешь оставить его себе.

— Хорошо, — согласился голос. — Дай мне второй меч.

Безымянный отложил проклятый клинок в сторону.

Аяана отдала Тихий Гром. Безымянный принялся разглядывать медный клинок, провёл по лезвию пальцем, понюхал.

— Этот запах, — голос был заинтригован, почти взволнован. — Это клинок Вейландры Рей. Откуда он у тебя?

— Достался по наследству, — спокойно ответила наемница.

— Ммммм — голос медленно тянул. — Приемница.

Аяана молча ждала.

— Я могу перенести проклятие связывания на Тихий Гром, — предложил голос.

— Не надо, — ответила наемница, не поднимая головы. — Мы сами такое умеем.

— Да? — голос был искренне удивлён. — Так чего же ты хочешь?

— Ничего, — сказала Аяана. — Просто забери себе тот проклятый клинок.

Повисла тишина. Я смотрел, как Безымянный медленно кивает — не головой, а всем телом.

— Дар, — голос был удовлетворён. — Давно мне не приносили дары.

Трон со скрежетом камней стал медленно поворачиваться вокруг своей оси. И замер, превратившись в каменную глыбу, не развернувшись в третий раз.

Я был разочарован.

Это всё? А как же я? Ми получила бесконечную сумку. Аяана избавилась от проклятого меча. А я?

Аяана подошла ко мне, держа в левой руке медный клинок. Её правая рука была свободна — впервые за долгое время.

— А как же я? — спросил я громко.

Тишина.

— Тебе, альтеркастер, — раздался тихий голос в моей голове, — я не могу предложить ничего, что ты не смог бы сделать сам.

Этот голос слышал только я.

Запись десятая

Если в мире и существует справедливость, то она явно не на моей стороне.

С другой стороны, чего я сам-то хотел от Безымянного? Книгу на алтаре? Я полистал страницы — они были пусты.

Абсолютно пусты. Ни намёка, что здесь вообще что-то было написано.

Может быть, это и была справедливость. Я ничего не хотел — я ничего не получил.

Однако меня всё равно обуревала какая-то детская обида. Может, Безымянный дал бы мне какое-нибудь наставление, указал путь. Но, похоже, ответы придётся искать в другом месте.

Мои размышления прервала Ми. Она протянула ко мне руку.

— Ми, — произнесла девочка, явно что-то от меня ожидая.

Я непонимающе смотрел на неё.

— Дай ей то, что взял у Луркера, — разъяснила Аяана.

— А — до меня наконец дошло.

Дракон требовал сокровищ.

Отдать то, что сейчас не нужно, в принципе, не жалко. Но золото может понадобиться, когда мы выберемся отсюда. Мы не знаем, куда попадём. Будет ли там еда, кров, работа для наемников и жрецов с поломанным даром?

— Если нам потребуется золото, ты отдашь? — спросил я, протягивая мешочек с золотом Ми.

Ми отрицательно покачала головой. Без тени сомнения. Без капли стыда. Просто — нет.

Я вздохнул.

Вытащил пару золотых и отдал мешочек Ми. Одну монету

оставил себе, вторую отдал Аяане.

— Поделили поровну, — с улыбкой ответил я.

Мешочек и драгоценности исчезли на дне её сумки. Провалились в ту самую бездну, которую сотворил для неё Безымянный.

Ми радостно заулыбалась.

Главное — это счастье детей. Даже если они маленькие и жадные драконы. Даже если они только что лишили тебя последнего золота.

— Мы разорены, — констатировала Аяана. — Нас с тобой только что ограбила маленькая девочка.

— О потере своей репутации мы не расскажем никому, — усмехнулся я.

Наша репутация и до этого была не очень, а теперь вовсе лежала на дне зала Безымянного.

Мы покинули дом падшего бога тем же путём, что и вошли. Горбун открыл дверь, выдворяя нас, и замер.

Возле дома стояла карета.

Чёрная, лакированная, с гнутыми оглоблями и резными дверцами. В упряжке — две мёртвые лошади с торчащими рёбрами и пустыми глазницами. Они не двигались, но именно они привезли это чудо транспортной мысли.

Кучером было существо, похожее на большого таракана, — только с кусками плоти вместо хитина. Оно сидело на козлах, не шевелясь, и смотрело на нас множеством мелких чёрных глаз.

Из кареты вышел скелет.

Он был одет в багровый камзол, расшитый золотыми нитями. На голове — шляпа-треуголка, сдвинутая набекрень. Скелет сделал изящный реверанс и молвил:

— Вас, дорогие гости нашего города, приглашает на ужин наш хозяин. Отказ не принимается. Проследуйте в карету, пожалуйста.

— Не-не-не, — Аяана явно не хотела ехать. — Мы сами. Пешком. Люблю прогулки.

— Прогулки в нашем городе небезопасны, — ответил скелет.

Выбора не было: либо ехать на ужин, либо драться с целым городом. Но город не атаковал — а это пугало больше, чем открытая толпа мертвецов.

Потом я услышал громкое урчание. Оно доносилось из живота Аяаны.

Похоже, её не придётся долго уговаривать.

— Ладно, — сдалась наемница. — Едем. Но если на стол подадут мои собственные внутренности, я устрою скандал.

— Ваши внутренности, — скелет склонил голову, — не для хозяйского стола. Пусть побудут пока там, где сейчас.

Ми послушно ожидала нашего решения. Я посмотрел на неё.

— Что думаешь?

— Ми, — ответила она. По интонации было понятно, что она тоже хочет есть.

— Решено, — сказал я. — Едем.

Мы забрались в карету.

Внутри было темно и пахло старым деревом и ладаном.

Скелет забрался с нами в карету, захлопнул дверцу и стукнул по стене.

— Трогай, — скомандовал он.

Карета дёрнулась и покатилась.

— Тёмные силы в любом мире любят званые ужины, — сказал я, глядя в окно на проплывающие мимо разрушенные дома.

— А кто их не любит? — спросил скелет.

— Я, — ответил я. — Жрецы любят поститься.

— Хозяин любит развлечения, — уточнил скелет. — На вашем месте я бы подготовил интересную историю или песню.

Мы с Аяаной переглянулись.

Карета катилась по пустым улицам. Где-то впереди, у рагуши, сгущалась тьма.

Карета остановилась. Скелет толкнул дверцу.

— Прибыли, — объявил скелет и жестом пригласил выходить.

Глава 4. Записи с одиннадцатой по тринадцатую

Запись одиннадцатая

Ощущалось лёгкое дежавю. Мы уже были на ужине у лорда нежити в Мидгаарде, но сейчас всё должно было быть по-другому. Тогда мы были гостями, почти равными. Сейчас — нам не дали возможности отказаться.

Мы проследовали за безмолвным скелетом-дворецким через анфиладу комнат. Дом мэра был старым, ветхим, и древнее зло, что гнездилось здесь, похоже, устраивало такое положение вещей.

В воздухе висела тяжёлая, вековая пыль, которую не брались вытирать уже много-много лет. Под ногами скрипел не просто пол — скрипела сама история этого города, каждый шаг отдавался в пустоте жалобным стоном. С потолка свисали остатки когда-то роскошной люстры, но вместо свечей в ней торчали ржавые гвозди, на которые кто-то нанизывал мумифицированных мышей.

Мы вошли в обеденный зал. Нас усадили за старый, массивный стол из чёрного, тронутого временем дуба. Стулья скрипели, едва сдерживаясь, чтобы не развалиться, и под

каждым моим движением издавали жалобные звуки.

Вилка лежала слева, нож и ложка — справа. Скелет-дворецкий, всё это время двигавшийся совершенно бесшумно, вдруг замер. Его пустые глазницы уставились на мои руки. Не проронив ни слова, он костлявыми пальцами взял вилку и переложил её. Все приборы теперь лежали справа.

Я вопросительно поднял бровь. Скелет не ответил. Он отошёл и замер у стены, сливаясь с полумраком.

Странный слуга. Или не слуга.

В центре стола, на огромном, покрытом выцветшей скатертью блюде, сидело безжизненное тело Алуса Тёмного. Оно располагалось там, где обычно красуется окорок или запечённый гусь.

Просто сидело. В позе мыслителя, застывшего навечно.

Лысый череп, обтянутый обгоревшей, пепельной кожей. На его макушке уцелел десяток средней длины, тонких, как паутина, волосков.

Тело — худое, высохшее, как мумия, — одето в простую серую рубаху, хранящую следы копоты и старой крови.

Голова была слегка запрокинута, пустые глазницы смотрели в потолок. Там, на потолке, копилась вековая паутина. В черноте приоткрытого рта виднелось несколько уцелевших зубов.

Алус, Алус, что же с тобой стало?

Ты был страшилкой, которой пугали непослушных и любопытных детей, а теперь — безжизненная кукла, посажен-

ная с нами за стол как ещё один участник трапезы.

Мало кто не знает историю Алуса Тёмного.

Одарённый и честолюбивый маг из Башни Высшего Волшебства. Он и волшебница четырёх стихий, Теристетра, отправились в самое сердце подземного королевства Кристаллис. Не за богатством — за могуществом. За кристаллами, которые веками впитывали в себя сырую, первозданную магию этого мира.

Но в глубине, там, где магия кристаллов достигала своей наивысшей концентрации, они нашли нечто другое. Нечто древнее и зловещее.

Алус вернулся один, но внутри него ярилась тьма. Маг, осознавший свою ошибку, решил провести в Офколе обряд отделения — запечатать ту древнюю сущность, отделить её от своего тела, прежде чем она поглотит его окончательно.

Но обряд был нарушен невежественными стражниками. Глупцами, которые испугались свечения и слов плетения заклинаний. Они ворвались в круг и освободили то, что Алус сдерживал.

Что было дальше — Я перевёл взгляд на скелета-дворецкого, который почему-то не сводил с меня пустых глазниц. На Ми, испуганно прижавшуюся к Аяане.

Что было дальше, вы знаете из предыдущих записей моего дневника.

— Ты как? — шепнула Аяана, заметив, что я побледнел.

— Я только что понял, — ответил я, не отрывая взгляда

от пустых глазниц Алуса. — Мы не на ужин пришли. Мы на поминки.

Запись двенадцатая

Когда ожидание стало совсем невыносимым, на стол наконец подали блюда.

Я не знаю, что я ожидал увидеть. Жареного кабана? Запечённую рыбу? Трюфели? Что-то, что подобало бы трапезе в компании древнего зла? Но реальность, как всегда, оказалась куда более своеобразной.

На огромном, покрытом сальными пятнами блюде торжественно лежали мёртвые вороны. С массивными клювами и иссиня-чёрными перьями, которые поблескивали в тусклом свете единственной оплывшей свечи. Рядом с воронами соседствовали грязная луковица, немытая морковь и несколько картофелин, покрытых землёй.

По мнению древнего зла, это и есть сытный ужин при свечах.

Я перевёл взгляд на Аяану. Она смотрела на блюдо с неопределённым выражением. Её брови были сведены к переносице, а рука непроизвольно сжала край стола.

А вот Ми Ми с живым интересом начала тыкать вилкой в мёртвого ворона. Она поворачивала его, разглядывала со всех сторон, даже принюхалась. Поймав мой ошарашенный взгляд, девочка весело улыбнулась.

«Она всеядна», — подумал я, и эта мысль вызвала не только умиление, но и лёгкий ужас. Что Ми ела в своей прошлой жизни? Впрочем, спрашивать не хотелось.

Тем временем к столу подали по бокалу и кувшин с водой. Аяана, покосившись на сосуд, налила себе и сделала глоток. Потом посмотрела на меня, кивнула в сторону кувшина и многозначительно подняла бровь.

Я понял намёк.

Магия потекла сквозь меня, резонируя с моей душой. По кувшину прошла лёгкая рябь, и воздух наполнился запахом палёного хлеба и трав.

Аяана налила ещё немного из кувшина и снова сделала глоток. На этот раз её глаза улыбались.

Я осторожно пригубил. Вода превратилась в чертовски крепкий алкоголь. Обжигающий и терпкий, с нотками мёда и трав. Глотнув, я почувствовал, как тепло разливается по груди, согревая даже те закорючавшие уголки сознания, в которые страх заполз уже давно.

— Одно из приятных изменений, — ответил я, чувствуя кривую усмешку на губах. — Одно из немногих в моей жизни альтеркастера.

Аяана только покачала головой и допила бокал. Я последовал её примеру.

И тут произошло то, чего я ждал и боялся одновременно. Алус вдруг начал хрипеть. В его груди будто работали старые мехи, прорванные в десятке мест. Из его раскрытого рта,

сначала робко, а потом всё настойчивее, начали вылетать частицы тьмы.

Они были похожи на рой разъярённых чёрных пчёл. Тьма клубилась над головой Алуса, плавно перемещаясь то влево, то вправо, будто изучала нас. Но она не уходила далеко от мёртвого мага. Её удерживала невидимая нить — длинный, извивающийся хвост, который уходил прямо в открытый рот Алуса и терялся где-то в его высохшей глотке.

Тёмное облако было около метра в диаметре.

Я сидел, не в силах отвести взгляд. Во рту пересохло, несмотря на выпитый алкоголь. Ми перестала тыкать вилкой в ворона и уставилась на тьму широко раскрытыми глазами. Аяана медленно, очень медленно положила руку на эфес меча, хотя мы оба знали: этот противник не берётся клинком.

Без каких-либо подсказок, без слов, я вдруг осознал.

Древняя тьма не может покинуть тело Алуса. Оно, будучи уже мёртвым, всё ещё сдерживает тьму. Этот иссохший, обгоревший труп — не просто останки. Это темница. Крепость, которая держит зло внутри, не давая ему вырваться на свободу.

Я допил остатки алкоголя и поставил бокал на стол. Рука не дрожала. Это было странно. Или я просто перестал бояться по-настоящему.

— Алус? — сказал я, обращаясь к пустым глазницам. — Хочешь рассказать нам что-то? Или твой гость?

Тьма над его головой дрогнула.

И потом началось то, что я не совсем понимаю, как описать. Мыслеобразы.

— Ты это видишь? — прошептала Аяана, не оборачиваясь.

— Вижу, — ответил я. — Но я не понимаю, что вижу. Мыслеобразы.

Они врезались прямо в сознание, минуя глаза и уши. Я ощущал их не как картинки, а как живую боль, чужую агонию, пропущенную через призму моего собственного восприятия.

Вот обессиленная собака на привязи. Она рвёт гнилую верёвку зубами — рвёт до крови, до хруста костей, но та не поддаётся. В глазах животного — отчаяние и безумие.

Вот перевернувшаяся лодка во время шторма. Люди хватаются за скользкие борта, кричат, молят о помощи — но волны накрывают их одного за другим.

Вот мальчик, сидящий на ветке высокого дерева. Он методично пилит ту самую ветку, на которой сидит. Пила визжит, опилки сыплются вниз, а он смотрит перед собой пустыми, спокойными глазами.

Картинки быстро сменяли друг друга, и каждая оставляла в душе глубокий, ноющий след.

Древнее зло пыталось нам что-то сказать. Пыталось объяснить. Но языка образов я не знал.

— Уважаемый, — обратился я к скелету-дворецкому. — Не могли бы вы перевести с древнезлого на общий?

Скелет с удивлением указал костлявым пальцем на себя, а потом, осознав суть вопроса, отрицательно замотал головой. Череп жалобно скрипнул, пустые глазницы уставились в пол. Он явно чувствовал себя виноватым, но помочь не мог.

Помощи от него не дожидаться, но я и не планировал. Главное, чтобы сейчас Аяана не начала чудить — иначе весь мой коварный блеф пойдёт прахом.

Я краем глаза увидел, как наемница подалась вперёд. Её губы приоткрылись — она явно что-то поняла, и ей было что сказать. Я громко откашлялся, как учитель на уроке, требующий тишины.

Аяана посмотрела на меня и нахмурилась. Я встретил её взгляд.

«Не смей. Ни слова. Доверься мне».

Она замолчала.

Всё, что нужно было понять, я понял. Древнее зло заперто в теле Алуса. Оно умирает. Медленно и мучительно. Уже две сотни лет. И с каждым мгновением конец всё ближе.

Не нужно героических жертв, не нужны великие артефакты. Ни мечей, ни магии. Только время и терпение. Мы просто уйдём, закроем дверь и подождём ещё лет сто или двести. Тьма умрёт сама. Великая победа добра!

— Мы не понимаем, — обратился я к древнему злу, стараясь, чтобы голос звучал вежливо и чуть грустно. — Есть возможность написать? Или... как-то иначе объяснить?

Тьма над головой Алуса задрожала, и новый поток мысле-

образов обрушился на меня.

Много. Очень много. Быстро сменяющихся, непонятных знаков, письмен, формул. Они хороводом пролетели в моём сознании, не оставляя ни следа, ни смысла. Я не знал ничего из этого. Ни одного. А вот Аяана могла знать.

Аяана снова попыталась что-то сказать. Я откашлялся во второй раз, ещё громче, и посмотрел на неё уже с откровенной мольбой:

«Не надо, умоляю, не порти, я знаю, что делаю».

Аяана посмотрела на меня, как на сумасшедшего. Я ответил ей самым пронзительным, самым умоляющим взглядом, на который был способен.

«Пожалуйста. Просто помолчи. Один раз в жизни просто доверься мне».

Она закатила глаза, но замолчала. Скрестила руки на груди и откинулась на спинку стула, готовая в любой момент вскочить и начать рубить.

— Ваш ужин прекрасен, — сказал я, обращаясь к пульсирующей тьме. Мой голос звучал искренне. — Но, увы, не для нашего человеческого пищеварения. Сырые вороны с перьями — это, конечно, изысканно, но мы люди простые. Если есть возможность использовать кипяток и открытый огонь, то Аяана с огромным удовольствием доведёт продукты до нужной кондиции.

Тьма загудела — не то угрожающе, не то устало. Скелет-дворецкий, словно получив команду, взял блюдо с воро-

нами и жестом пригласил Аяану на кухню.

Наемница посмотрела на меня удивлённо. Её брови взлетели вверх, рот приоткрылся.

Она медленно встала, сжимая кулаки.

— Я не знаю, что ты делаешь, — прошипела она, наклоняясь к моему уху так, чтобы не слышал никто, кроме меня. — Но лучше, чтобы это было оправданно. Иначе после воронов я ощипаю тебя.

Я кивнул, не поднимая глаз. Она выпрямилась, забрала у скелета блюдо и, бросив на меня последний предупреждающий взгляд, вышла из зала.

Ми последовала за ней.

В комнате стало тихо и я с улыбкой посмотрел на Древнее Зло.

Запись тринадцатая

Это чувство было для меня новым. Меня никогда не просило о помощи Древнее Зло.

Я сидел за столом, сжимая бокал с остатками алкоголя, и пытался осознать эту мысль. Древнее Зло. Та самая сущность, что, как считалось, хочет лишь поглощать, разрушать, сеять хаос, — просила меня о помощи.

Я не знал, как реагировать. Что говорить. Я мог бы стать Амбассадором Древнего Зла — звучит как начало плохой шутки. Но почему-то душа тянулась не к тьме.

К свету она особо тоже не тянулась — слишком много ограничений: посты, молитвы, смирение, прощение врагов. Нет, это не про меня.

Нельзя делить всё на добро и зло, свет и тьму, — подумал я, глядя в пульсирующую черноту над черепом Алуса. — Обычные люди всю жизнь блуждают между, склоняясь то в одну сторону, то в другую. Я предпочитаю пребывать в пограничье. Серый цвет — мой любимый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.